

РУССКИЙ НИНДЗЯ

МИХАИЛ СЕРЕГИН

**КИТАЕЦ:
КИМОНО ДЛЯ БОЯ**

Китаец

Михаил Серегин

Нестандартный подход

«Научная книга»

2004

Серегин М. Г.

Нестандартный подход / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2004 — (Китаец)

© Серегин М. Г., 2004
© Научная книга, 2004

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил СЕРЕГИН

НЕСТАНДАРТНЫЙ ПОДХОД

ГЛАВА 1

Теплые влажные сумерки второй половины апреля медленно наползали на трассу. Днем прошел дождь, и на обочинах дороги кое-где поблескивали небольшие лужицы. Дачный сезон еще не наступил, и машин было сравнительно немного, хотя самые ретивые садоводы и огородники уже начали выбираться на природу. Метрах в ста впереди от Китайца шел «Фиат Типо» цвета морской волны, за рулем которого сидела сорокапятилетняя Виктория Крупенкова – миниатюрная рыжеволосая дама. Она была одета в темно-коричневый жакет с широкими темно-бордовыми и серо-зелеными полосами и серые брюки с острыми как бритва стрелками.

Красными маячками на «Фиате» зажглись габаритные огни. Еще минут через десять он свернет с трассы налево и, проехав несколько десятков метров по поселку, остановится возле двухэтажного дома из красного кирпича. «Фиат» въедет во двор, ворота за ним закроются, на этом рабочий день Китайца будет закончен.

Следить за Крупенковой было просто и поэтому скучно. По городу она никогда не ездил быстрее шестидесяти, да и то на дорогах, где медленнее никто не двигался, а на трассе ее довольно мощная машина развивала крейсерскую скорость аж в семьдесят пять километров в час. С другой стороны, выдавшая виды светло-серая «тройка», на которой ехал Китаец, навряд ли могла бы выжать из себя больше сотни. Впрочем, спидометр «тройки» все равно не работал, и скорость можно было определять только на глазок.

Взяв с соседнего сиденья пачку «Винстона», Китаец достал сигарету и закурил. Бросив взгляд в зеркальце заднего обзора, он заметил, что двигавшийся сзади от самого выезда из города микроавтобус «Газель» включил «поворотник» и пошел на обгон. Китаец разглядел в надвигавшихся сумерках круглый череп водителя. На какое-то время «Газель» заслонила собой «Фиат» и двигалась в правом ряду. Затем, дождавшись, когда пройдет встречный транспорт, микроавтобус стал обгонять и машину Крупенковой. Поравнявшись с ней, «Газель» вдруг метнулась вправо и ударила «Фиат» в переднее крыло. Сначала Китаецу показалось, что у «Газели» какие-то неполадки с рулевой тягой, но когда микроавтобус второй раз долбанул вылетевший на обочину «Фиат», стало ясно, что водитель намеренно пытается столкнуть с трассы машину Крупенковой.

Дорога приближалась к небольшому, но довольно высокому мостику, через ручей и откосы становились все круче. Если «Фиат» не остановится до моста, он наверняка рухнет вниз. Как уже успел заметить Китаец, Крупенкова не была хорошим водителем. После первого удара ее машина выехала правой стороной на грязную обочину и ее стало мотать из стороны в сторону. Крупенкова кое-как снова выбралась на трассу, но вместо того чтобы плавно сбавить скорость и остановить машину, она попыталась оторваться от преследовавшей ее «Газели». Это ей не удалось, и, снова попав после второго удара колесом на обочину, «Фиат» окончательно потерял управление. Едва не нырнув в кювет, сине-зеленая машина опять попыталась выехать на асфальт, но ее занесло.

«Не тормози!» – пробормотал Китаец, но Крупенкова как раз это и сделала. К счастью, «Фиат» остался стоять на колесах, его только развернуло на сто восемьдесят градусов и, проволочив через дорогу, швырнуло на левую обочину. Он замер буквально в нескольких метрах от моста, сильно накренившись в сторону откоса. Китаец сбавил скорость и продолжал мед-

ленно двигаться к месту происшествия, прикидывая, как ему поступить в этой нестандартной ситуации. Тут он увидел, что «Газель», которая была уже на другом конце моста, движется задним ходом. Набрав приличную скорость, микроавтобус врезался в «Фиат», почти свалив его в кювет. Увидев, что и в этот раз его затея не удалась, водитель микроавтобуса отъехал немного и снова двинулся на беднягу «Фиат».

Китаец увидел, как обезумевшая от страха Крупенкова пытается выбраться из машины. Но дверцу, видно, заклинило. Китаец вдавил педаль акселератора, выжимая из «тройки» все, на что она была способна. Двигатель взревел как сумасшедший и потащил ее наперерез микроавтобусу. И все же вклиниться между «Фиатом» и «Газелью» он не успел. Передок «жигуленка» ударился прямо в заднюю ось микроавтобуса, и хоть массы были не равны, силы удара оказалось достаточно, чтобы немного развернуть микроавтобус. Едва не зацепив «Фиат», он пролетел мимо и скользнул под откос.

Перед столкновением Китаец успел упереться руками в рулевое колесо, но все же ударился головой о лобовое стекло и на какое-то мгновение потерял сознание. Когда он очнулся и выбрался из машины, то увидел темную тень человека, быстро удалявшегося от рухнувшей «Газели» в сторону небольшого лесочка.

«Ну и черт с тобой, – презрительно процедил Китаец и повернулся к „Фиату“. Крупенкова уже выбралась из машины через правую дверь и теперь стояла, оперевшись на капот.

– Как вы себя чувствуете? – Китаец остановился перед ней, пытаясь заглянуть в глаза.

– Боже мой, боже мой, – остолбенело твердила Крупенкова.

Она находилась в состоянии шока. Несколько офонаревших автолюбителей, побросав свои машины, поспешили к месту аварии.

– С вами все в порядке? – возвысил Китаец голос до крика, чтобы пробиться сквозь вату немоты и ужаса, обложившую потрясенную Крупенкову.

– Кажется, да. – Она тупо пялилась на свой «Фиат», который выглядел не лучшим образом.

– Вам далеко ехать? – Китаец прикинулся, что не знает, где живет Крупенкова.

– Нет, то есть да... – она подняла на него свои ошалелые зеленые глаза.

– Я подвезу вас, но для начала нужно вызвать милицию. У вас есть мобильный?

Крупенкова отрешенно кивнула.

* * *

– Я не могу в это поверить! – бешено заорал Крупенков, продолжая кружиться по кабинету Китайца.

– Вашу жену хотели убить, – спокойно возразил Китаец.

– Да... убить... – вздохнул Крупенков и плюхнулся в кожаное кресло, – а она не поняла, кто вы такой? – беспокойно посмотрел на Китайца Илья Васильевич.

Илья Васильевич был довольно нервным субъектом. Но Китайца было трудно пронять, хотя он уже начал жалеть, что согласился последить за его женой.

Вообще-то он предпочитал не брать «оленьи дела», как он называл слежку за неверными женами, но ввиду того, что другой работы не было, согласился. Тем более что полоумный супруг готов был отвалить за это немалые деньги. Он даже приобрел для этой цели по дешевке ту самую «тройку», которую так неудачно «уделал» Китаец. Танин подошел к сейфу, открыл его, достал бутылку «Кизлярского», пару пузатых рюмок и вернулся к столу. Сел в кресло и выжидающе посмотрел на своего бесноватого клиента.

Лицо Ильи Васильевича не покидало напряженно-недоверчивое выражение. Если бы не этот злобный трагизм, от которого по его вытянутой физиономии пробегала быстрая судорога, его внешность можно было бы назвать приятной. Высокий, подтянутый, изысканно одетый, он

производил впечатление солидного, следящего за собой мужчины, который даже к сорока семи годам не раздобрел, не расплылся в подобие полужамороженной дрожалки. Но в его стройности присутствовала мучительная, наполовину инфантильная негибкость человека, который уверен, что стоит ему принять или хотя бы с должным вниманием и непредвзятостью рассмотреть мнение другого, как его самолюбие получит неизлечимую рану.

У Крупенкова почти не было седых волос, и только глубокая складка между бровей и несколько поперечных морщин, бороздивших его невысокий, но хорошей формы лоб, как, впрочем, и две глубокие складки, идущие к подбородку от углов плотно сжатого узкого и длинного рта, говорили о том, что перед вами мужчина, которому перевалило за сорок.

Взгляд Крупенкова отличался той обжигающей пронзительностью и цепкостью, которая обычно присуща людям проникательным и недоверчивым. Но с этим разоблачающим взором, честно говоря, плохо сочетались вздернутый нос и манера то и дело хвататься за узел галстука, словно последний хотел задушить хозяина. У Китаецца создалось впечатление, что Илье Васильевичу не хватает воздуха. Но на астматика Крупенков был не похож. У него было другое заболевание – хроническая безудержная ревность. Китаец терялся в догадках, чем она спровоцирована: неуверенностью в себе или в супруге.

– Мне кажется, вам стоит заняться этим. – Плеснув коньяку в обе рюмки, Китаец пододвинул одну из них Крупенкову. – Вашу жену хотели убить, – упрямо повторил он.

Тот не поблагодарил, как, впрочем, и не выразил удивления и удовлетворения щедростью и смекалкой частного детектива. Китаец не без иронии подумал, что хаотично работающие руки Крупенкова просто не могли бы зажать рюмку и некоторое время оставаться неподвижными. Движения Ильи Васильевича напоминали ему пляску святого Витта, когда «пляшущий» не отдает себе отчета, что вовлечен в машинальное повторение одних и тех же жестов.

– Не мелите чепухи! – огрызнулся Крупенков. – Кому это надо? Никогда такого не было, никаких сигналов, угроз... Вы мне лучше скажите, что вам удалось узнать?

– Ваша жена верна вам, – невозмутимо откликнулся Китаец. – Я уже почти целую неделю слежу за ней. Она не дала ни единого повода усомниться в своей добропорядочности, – слабо улыбнулся он.

Илья Васильевич воспринял эту улыбку как издевку.

– Добропорядочности! – снова сорвался он. – Я уверен, что она изменяет мне. Знаю, чувствую... Не может не изменять!

Он снова вскочил и забегал взад-вперед.

– Может, лучше воды? – предложил Китаец.

– Нет, – резко произнес Крупенков, ни на секунду не останавливаясь, – расскажите мне подробно: чем она занималась, куда ездила, где была...

– Ее обычный маршрут, – вздохнул Китаец, – офис – банк – налоговая инспекция – дом. Два раза она посещала парикмахерскую и косметический салон, два раза фитнес-клуб, четыре раза заезжала в магазин.

– Ха! – воинственно вздернул плечи Илья Васильевич. – Два раза в парикмахерскую! А чем она там занималась, вы проверили?

– Вы, наверное, обратили внимание, что ваша жена перекрасила волосы?

– Ага, обратил. Но ведь парикмахер наверняка мужчина, более того, какой-нибудь молодой хмырь с серьгой в ухе. Они, эти оболтусы, ох как охочи до таких женщин! Привлекательная, опытная, с деньгами...

– Я не мог часто попадаться вашей жене на глаза, – сдерживая раздражение, сказал Китаец, – все, что зависело от меня, я сделал. Если хотите, я продолжу. Вчера Виктория Ларионовна встречалась с деловыми партнерами в ресторане «Филигрань». Пообедав, она отправилась в автосалон. Потом – в парикмахерскую, как я уже говорил. Два дня назад она встречалась с какой-то женщиной в годах.

– Расфуфыренной толстухой? – сбавил обороты Крупенков.

Китаец кивнул.

– Это ее сестра, – пренебрежительно пояснил Илья Васильевич.

– Они поехали на улицу Кутякова, дом шесть...

– Можете не продолжать, – поморщился Крупенков, – она там живет.

– Виктория Ларионовна пробыла там ровно два с половиной часа.

– А вдруг Зойка ее покрывает? – опять взбаламутился Крупенков. – Вдруг там на квартире кто-то был?

– Не думаю, – тихо, но уверенно произнес Китаец.

– Почему? – замер у стола Илья Васильевич.

– Садитесь, – лениво вытянул руку Китаец, стараясь не встречаться своим насмешливым взглядом с глазами Крупенкова, – потому что не очень понятно, куда бы девалась сестра вашей жены? Виктория Ларионовна знает, что вы заняты в клубе, и не знает, что за ней следят. Она бы могла, если бы, конечно, захотела, – осторожно поправил себя Китаец, – встретиться с мужчиной в номере гостиницы или у него на квартире. Зачем ей весь этот маскарад с сестрой?

– Вы ни черта не понимаете в женщинах! – воскликнул Илья Васильевич. Вы ведь не женаты! Нет, я вами недоволен. – Одернув полу своего серого пальто из тонкой английской шерсти, он отошел к окну и задумчиво уставился на стену соседнего дома.

– Письменный отчет будет готов завтра. Если хотите, – монотонно произнес Китаец, – слежка может быть продолжена. Учитывая аванс в пятьсот долларов, с вас еще полторы тысячи за эту неделю.

– А ни шиша! – взъерепенился Крупенков.

Он резко обернулся и точно клинок вонзил в Китайца немигающий взор.

– Я найму другого детектива, а вы ни к черту не годитесь!

– Вы подписали договор, – устало сказал Китаец, – работа выполнена, так что...

– А идите вы знаете куда... – Илья Васильевич, внезапно обессилев, рухнул в кресло и схватился за рюмку, в которой янтарем светился коньяк.

Он опорожнил рюмку и, выдохнув горячие пары, с идиотской улыбкой посмотрел на Китайца.

– А как насчет того, что клиент может быть недоволен работой детектива?

Улыбка на его тонких губах приобрела ехидный оттенок.

– А как насчет того, что детективу может надоесть сумасбродство клиента? – кончики губ Китайца раздвинула слабая улыбка.

– Да что вы себе позволяете!

Крупенков вскочил, дернул за узел галстука и, оперевшись ладонями на стол, замер в агрессивной позе.

– У меня есть к вам предложение, – зевнул Китаец, – вы приносите завтра полторы тысячи, забираете отчет, и мы прощаемся с вами до следующего раза, а еще лучше – навсегда. Если вы не сообразите заплатить мне за проделанную работу, отчета вы не получите. Я подам на вас в суд... Мой адвокат свяжется с вами.

– Вы о себе слишком много мните, – прищурил оба глаза Крупенков. – А знаете, какое у меня закралось подозрение...

– Сгораю от нетерпения узнать... – не скрывая насмешки, посмотрел на Крупенкова Китаец.

– Не вы ли сами трахали мою жену?

Китаец прыснул со смеху.

– А, смеетесь, – как макака запрыгал вокруг стола Илья Васильевич, – а что, женщина она хоть куда, а вы нахал, и бабы, видать, от вас с ума сходят... Ага, – злорадно зарычал он,

изумленный собственной пронизательностью, – удобненько устроились. Муж-дурак денежки платит, а жена...

Он свирепо засмеялся.

– Я бы порекомендовал вам обратиться не к детективу, а к психотерапевту, – снисходительно улыбнулся Китаец, – наш разговор окончен. Завтра вы сможете забрать отчет, выплатив гонорар, разумеется. Ваша разбитая «тройка» на платной стоянке возле областного ГИБДД, можете забрать ее. Если меня не будет, обратитесь к моей секретарше.

– К этой шлюхе? – хохотал как помешанный Крупенков. – Да у нее на лбу написано, что она с каждым не прочь! Глаза бесстыжие, ух, так бы...

– Не ожидал, честно говоря, от вас подобного неуважения, – невозмутимо сказал Китаец, – Лиза – славная девушка, умная и порядочная, а вот вы...

Китаец выразительно покачал головой.

– Все бабы шлюхи! – провозгласил Илья Васильевич.

– Где-то я уже это слышал, – полупрезрительно улыбнулся Китаец, – старо как мир. Тем более непонятно, что вы так беснуетесь, если знаете, что распутство в крови у женщин. Идите успокойтесь, а завтра – милости прошу.

Правая рука Крупенкова опять устремилась к узлу галстука.

– Ничего вы от меня не получите! – судорожно ухмыльнулся он.

– Посмотрим, – Китаец снова зевнул и равнодушно уставился в стену.

Дверь хлопнула с такой оглушительно-презрительной мощью, что Китаец поморщился. И тут же в кабинет залетела встревоженная и полная любопытства Лиза.

– Ну, псих! Дверью как шваркнет! – она тарасила свои красивые синие глаза, которые так не понравились Крупенкову.

– Лиза, сколько раз тебе говорил: без стука не входить, – Китаец с укоризной взглянул на свою белокурую шалунью-секретаршу.

Лиза обиженно надула губы и потупилась.

– Как чувствовал, с этим ревнивцем не надо связываться, – с досадой проговорил Китаец.

Лиза приняла эту фразу за особый знак доверия и желание заручиться ее сочувствием. Она смело шагнула к столу и приземлилась в кресло напротив Китайца.

– Коньяк пили, – меланхолично заметила она.

– Я оставлю тебе письменный отчет о слежке за женой этого придурка. Если он завтра придет в мое отсутствие, возьми с него полторы штуки и отдай отчет. Понятно?

Лиза кивнула.

– Каждый богач по-своему с ума сходит, – усмехнулась она и кокетливо заморгала длинными темными ресницами, – один за женой бегаёт, другой манией преследования маётся, третий...

– Это все, Лиза, – строго посмотрел на нее Китаец.

Она торопливо встала и поспешила покинуть кабинет. «Шеф не в духе», – решила она, плотно закрывая за собой дверь.

* * *

На другой день Крупенков позвонил в половине третьего. Лиза соединила его с Китайцем. Илья Васильевич рассыпался в извинениях. Кто бы мог подумать, что вчерашний суматошный хам и сегодняшней образчик любезности и предупредительности – одно и то же лицо! Минут через двадцать после короткого телефонного разговора он привез деньги и, вкрадчиво улыбаясь, положил их перед Китайцем. Китаец с каменным выражением лица сунул гонорар в портмоне и, с вежливой сдержанностью поблагодарив Крупенкова, простился с ним. За обедом Лиза прокомментировала столь резкую перемену в поведении их клиента.

– Он или сдвинутый, или получил от жены то, что хотел.
– Тонко, – улыбнулся Китаец, – ты здорово разбираешься в людях.
– Не смейся надо мной! – надулась Лиза, бросив салфетку на стол.
– Знаешь что, – поспешил загладить свою вину Китаец, – загляни в какой-нибудь бутик и подбери себе костюмчик или платье. В общем, что захочешь.

Он вручил Лизе двести долларов.

– Это премия? – с наивной радостью воскликнула она.

– Угу, – Китаец с насмешливой нежностью посмотрел на свою секретаршу, – только долго не задерживайся.

Лиза чмокнула шефа, схватила сумочку и побежала к выходу. Не успела ее стройная фигурка раствориться в бурлящей толпе оживленных граждан, как за столик Китайца села невысокого роста шатенка в кожаном пиджаке и вельветовых брюках. Под «кожей», как догадывался Китаец, девушка ничего не носила. Вырез этого модного, слегка приталенного пиджачка был настолько глубок, что Китаец, стоило девушке немного податься вперед, увидел трепетные холмики ее небольших грудей.

Это заинтриговало Китайца, пожалуй, больше, чем смелый демарш девушки, решившей расположиться за его столиком, хотя в кафе множество столиков пустовало.

У девушки были замечательные карие глаза, золотистая кожа и блестящие, доходившие до половины щеки волосы, отливавшие на солнце коньячным янтарем. Чувственность и невинность странным образом сочетались в выражении ее лица, гладкого, с высокими скулами и полуоткрытым манящим ртом.

– Привет, – с высокомерной непринужденностью поздоровалась она, – вы – Танин Владимир Алексеевич?

– А что, если нет? – шутливо отозвался Китаец.

– Я думаю, что да, – лениво улыбнулась девушка.

– Чем обязан? – не показывая удивления, спросил Китаец.

– Вы следите за моей матерью, – хмыкнула прекрасная незнакомка.

– У меня такая работа, – сдержанно улыбнулся Китаец.

– Крупенкова Маргарита Ильинична, – с ироничной усмешкой представилась девушка.

– Очень приятно, – Китаец невозмутимо посмотрел на девушку.

– Хотела с вами познакомиться, – бросила она на него оценивающий взгляд, – думала-гадала, что это за сыщик такой, откуда выискался...

– А вас это коробит?

– То, что вы следите за моей матерью?

Китаец кивнул.

– Немного, – нараспев сказала Маргарита, – вы, наверное, сгораете от любопытства, откуда я узнала о вас...

– Не очень, – Китаец потянулся за сигаретами. – Вы курите?

Маргарита отрицательно покачала головой.

– Только колюсь, – засмеялась она.

Китаец вставил сигарету в угол рта и внимательно посмотрел на девушку.

– Шутка, конечно, – улыбнулась она, теребя одну из салфеток, веером стоявших в симпатичной керамической вазочке, – интересно было на вас посмотреть.

– Ну и как? Вы удовлетворены? Спешу сообщить, что слежка в прошлом. Я больше не работаю на вашего отца.

– Какая жалость, – язвительно усмехнулась Маргарита.

– Я понимаю, вам это неприятно. Вам не следовало приходить сюда...

– Ну и как моя матушка? – с циничной интонацией спросила Маргарита.

– Без единого пятна.

– Так уж и без единого... Вы, наверное, страдаете комплексом джентльмена. У вас на лице написано. Думаю, правды от вас не дождешься. Вы приучены хорошо отзываться о женщинах, какими бы тварями они ни были, ведь так?

– У меня мало времени, – взглянул на часы Китаец, – да и вообще не вижу смысла продолжать этот разговор.

– Вы так считаете? – подняла Маргарита на него свои живые карие глаза.

– Если вы, конечно, не садистка и не мазохистка, – снисходительно улыбнулся Китаец, вставая из-за стола.

– Отец – хороший человек, – она догнала его у выхода, – только немного нервный и слабовольный...

– Вы любите его больше, чем мать? – обернулся Китаец.

– У матери никогда не было для меня времени, – вздохнула она. – Она вечно чем-то занята: работа, деловые встречи, салоны красоты, родственники... Не понимаю, зачем я все это вам говорю...

Китаец вышел из кафе и пошел по направлению к конторе. Маргарита не отставала.

– Только не обижайтесь на меня, – Китаец закурил, – но на вашем месте, если уж вы так любите своего отца, я бы посоветовал ему обратиться к психологу.

– Он уже был, – вздохнула Маргарита. – Мама нашла самого дорогого доктора... Семен Семенович Бурлаков, может, слышали?

– Нет, – покачал головой Танин, – я предпочитаю сам разбираться в своих проблемах.

– А у вас тоже бывают... – Маргарита усмехнулась, – проблемы? Мне показалось, вы абсолютно спокойный человек.

– Просто я интроверт, – ответил Китаец, – не люблю выставлять свои эмоции напоказ. А проблемы, как мне кажется, бывают у всех. Только одни в состоянии сами с ними справиться, а другие...

– ...сходят с ума? – добавила Маргарита.

– Ну, это уж совсем крайний случай, – Китаец пожал плечами, – когда человек загоняет себя в тупик. А чем вы занимаетесь? – ему захотелось сменить тему.

– Пока я в свободном полете, – улыбнулась Маргарита, – хожу, наблюдаю за людьми, хочу написать книгу. Я закончила факультет журналистики в столице.

– Интересно, – улыбнулся он, – я тоже когда-то там учился.

– Правда? – не скрывая радостного удивления, воскликнула она.

– Я никогда не вру, – соврал Китаец. – Знаете что, – он остановился в нескольких метрах от своей конторы и достал визитку, – если будет желание, позвоните мне как-нибудь, пообщаемся. Или я вам позвоню, если не возражаете.

– У меня есть ваш телефон, – она вернула ему визитку, – прочитала в папиной записной книжке.

– Кажется, у нас много общего, – улыбнулся Китаец на прощание.

ГЛАВА 2

Проснувшись в половине восьмого утра, Китаец сделал несколько специальных упражнений и подошел к окну. Сильный туман словно вата окутывал его джип «Массо», который он оставлял во дворе. Стена дома напротив вообще только угадывалась в плотной серо-сизой пелене.

«Ну и погодка!» – пробормотал он и отправился в ванную.

Медный котелок, в котором Китаец варил ежеутреннюю порцию какао, уже покрылся приличным слоем засохших пенок. Китаец мыл его несколько раз в год, когда его объем уменьшался настолько, что не помещал даже одной чашки напитка. Китаец сыпанул на дно две ложки сахара, перемешал его с двумя неполными ложками какао-порошка и залил молоком из пакета. Затем поставил котелок на огонь и принялся растирать ложкой на стенке котелка всплывшие на поверхность молока крошки какао. По мере нагревания какао растворялось все лучше и лучше, и к моменту закипания в котелке была однородная красновато-коричневая жидкость, распространявшая по кухне приятный аромат.

Взяв котелок кончиком полотенца, Китаец перелил какао в чашку. Затем достал сигареты. Он дымил и наблюдал, как на поверхности какао, поблескивая теплыми искорками, образуется пенка.

Когда с какао было покончено, он надел джинсы, джинсовую терракотово-розовую рубашку и темно-коричневый вельветовый пиджак в крупный рубчик, под который нацепил наплечную кобуру с пистолетом. Пиджак был сшит на заказ таким образом, что о наличии под ним пистолета мог догадаться только очень внимательный наблюдатель. Удобные мокасины из мягкой кожи дополнили туалет Китайца. Он вышел на лестничную площадку и уже вставил ключ в замочную скважину, чтобы запереть дверь, когда услышал из комнаты трель телефонного звонка. Замерев на мгновение, он повернул ключ и стал спускаться по лестнице.

* * *

Лиза была уже на месте. Она вся светилась как солнышко в тонком атласном платьице апельсинового цвета.

– Шикарно выглядишь, – заметил обновку Китаец.

– Правда? – Лиза встала из-за стола и словно по подиуму сделала несколько шагов по тесной приемной. – Да, – она вдруг остановилась, – тебе звонила Маргарита Крупенкова. Это жена того ненормального?

– Его дочь, – недовольно пробормотал Китаец. – Что она хотела?

– Говорит, срочное дело, – Лиза поджала губки и снова села за стол. – Наверное, ей просто нечем заняться.

– Позавчера кто-то пытался убить ее мать. – Танин прошел в кабинет, оставив дверь открытой. – Ее муж, этот ненормальный, как ты его называешь, не поверил мне, когда я сказал ему об этом. Или просто не обратил внимания. Он озабочен совсем другим.

– Думаешь, что-то случилось с его женой?

– Я думаю, что ты могла бы сварить кофе. – Танин расстегнул пиджак и сел на диванчик, стоявший в углу кабинета. – Только не капни на платье.

– Не капну. – Лиза шелкнула рычажком электрочайника, положила в небольшую медную джезvu сахар и кофе.

В этот момент раздался звонок, и она отправилась отпирать дверь. На пороге стояла Маргарита. Она выглядела очень эффектно в черных колготках и легком темно-зеленом плаще,

перетянутом пояском на узкой талии. На плече на тонком ремешке висела маленькая кожаная сумочка.

– Могу я поговорить с Владимиром Алексеевичем? – дрожащим от волнения голосом спросила она.

– Если вы представитесь, – Лиза отступила в сторону, пропуская ее в приемную, – я о вас доложу.

– Я вам сегодня уже звонила. Моя фамилия Крупенкова.

– Присаживайтесь. – Лиза оставила посетительницу в приемной и вошла в кабинет шефа, плотно прикрыв за собой дверь.

– Она пришла, – сообщила Лиза. – Кажется, действительно что-то серьезное.

– Проси, – пожал плечами Китаец, пересаживаясь с дивана за стол. – Как там кофе?

– Почти готов.

– Сделай, пожалуйста, еще чашечку для нашей гостьи.

Маргарита словно сомнамбула вошла в кабинет, сделала несколько шагов к столу, за которым сидел Китаец, и как подкошенная упала на стул. Китаец ожидал, что она заплачет, но она вдруг подняла на него полный ненависти взгляд и твердо произнесла:

– Вчера убили моего отца. Я хочу, чтобы вы нашли его убийцу. Деньги у меня есть. Назовите вашу цену.

– Сначала я хотел бы кое-что у вас узнать, – невозмутимо произнес Китаец, доставая из пачки сигарету.

– Пожалуйста, – согласилась она, – я готова.

– Вы уверены, что хотите нанять именно меня?

– Да, – кивнула она, – я знаю, что вы самый лучший.

– Почему вы так решили?

– Потому что мой отец обращался к вам, а он всегда выбирает только самое лучшее, – с гордостью произнесла Маргарита.

– Пусть так, – Китаец щелкнул старенькой «Зиппо», прикурил, выпуская дым в сторону. – Разве милиция не занимается этим расследованием?

– Занимается, – кивнула она. – Ну и что? Неужели я не могу что-то сделать для отца? Вы пытаетесь меня отговорить?

– Просто не хочу, чтобы вы позже жалели о том, что делаете сейчас. Кажется, вы немного возбуждены.

– Я отдаю себе отчет в своих действиях, – с вызовом произнесла Маргарита, – если вы это имеете в виду.

– Угу, – кивнул Китаец, – понятно. Тогда скажите мне, Виктория Ларионовна знает, что вы собираетесь предпринять?

– Я поставила ее в известность.

– Почему она не пришла с вами? Ее присутствие могло бы оказаться нелишним. Впрочем, – глухо сказал он через несколько секунд, – если мы с вами договоримся, я в любом случае увижусь с ней.

– Мама неважно себя чувствует, – ответила Маргарита. – И хотя она не в восторге от моего решения, но...

Она замолчала, словно подбирая слова, и Танин не мешал ей. Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Лиза с подносом в руках. Она вопросительно посмотрела на шефа. Увидев его приглашающий жест, прошла к столу и поставила на него чашки с кофе.

– Что-нибудь еще?

– Нет, Лиза, спасибо.

Покосившись на Маргариту, Лиза неторопливо покинула кабинет.

– Угощайтесь, – Китаец подвинул Маргарите чашку. – Может быть, коньячку?

Она отрицательно покачала головой.

– У вас красивая секретарша.

– Кроме этого у Лизы есть еще масса достоинств, – сухо произнес Танин. – Кажется, вы говорили о Виктории Ларионовне.

– Она привыкла повелевать, – Маргарита глубоко вздохнула, – и моя самостоятельность не очень-то ей нравится.

– Это единственная причина?

– По крайней мере, я другой не вижу, – с упрямым видом ответила Маргарита.

– Я так понял, что ваша мама занимается бизнесом...

– Косметикой, парфюмерией, – с пренебрежительным оттенком уточнила Маргарита.

– Да, я знаю.

– Ну, конечно, – хмыкнула она, – вы же следили за ней.

– Если разговор и дальше так пойдет... боюсь, я вам ничем не смогу помочь, – осадил Маргариту Танин.

– Извините, – кашлянув, она потупилась.

– Я понимаю, у вас горе... – Он взял чашку, но пить не стал. – Итак, вы настроены на сотрудничество?

Он внимательно посмотрел на Маргариту.

– На сотрудничество? – приподняла она свои красиво изломанные черные брови. – Ваша формулировка напоминает милицию или КГБ.

– Сейчас эта организация переименована, – невозмутимо заметил Китаец, – я задал вам конкретный вопрос. Мне кажется, что сейчас не время показывать свой крутой нрав. Не скрою, эта мимика вам идет, как, впрочем, и этот инфантильный тон, но я занимаюсь серьезным делом и не расположен, откровенно говоря, выслушивать язвительные реплики.

– Только не играйте в школьного учителя, – усмехнулась Маргарита, – и дайте мне сигарету.

– Вы же не курите...

– Курю иногда. – Она бесцеремонно вынула из лежащей на столе пачки «Винстона» сигарету и с требовательной выжидательностью посмотрела на Танина.

Эта девушка ему нравилась все больше и больше.

– Знаете, увидев вас сегодня и поняв по вашему виду, что случилось что-то ужасное, – Танин поднес к ее сигарете зажигалку, – я даже не мог вообразить, что это обстоятельство не заставит вас изменить вашу манеру общения.

– Вы думали, что я буду реветь как корова? – вызывающе посмотрела Маргарита.

– Я понял, что вам нужна моя помощь. И я сказал себе: будет свинством с твоей стороны, если ты не поможешь такой очаровательной девушке, – Китаец выразительно улыбнулся, – а теперь я даже не знаю, оказать ли вам содействие или...

– Или... – нахмурилась Маргарита.

– Вежливо попросить вас удалиться, – меланхолично улыбнулся Китаец.

– Что ж. – Маргарита швырнула в пепельницу дымящую сигарету и подошла к двери.

– Всего доброго.

– Вы – дерьмо! – резко обернулась она. – У меня погибает отец, я прошу у вас помощи, а вы, а вы...

Она всхлипнула. «Вторая часть пьесы», – холодно прокомментировал про себя Китаец.

– Тогда садитесь в кресло, – властно сказал он, – и отвечайте на мои вопросы!

Маргарита посмотрела на него сквозь слезы.

– Я устал от подобных комедий, – вздохнул Китаец, перейдя на более миролюбивый тон, – садитесь.

Он поднялся, подошел к сейфу, достал коньяк, рюмки и вновь вернулся к столу. Плеснул коньяку в рюмки и сел в рабочее кресло. Маргарита по-прежнему в нерешительности стояла у двери. «Что же это, дочка унаследовала от отца неуравновешенность?» – подумал он.

– Давайте договоримся: еще один такой всплеск – и можете искать себе другого детектива, – строго сказал Танин. – Вы меня поняли? Извините за менторский тон, – устало улыбнулся он, – но у меня тоже есть нервы.

– У вас они железные – по всему видать, – хныкающим голосом проговорила Маргарита.

– Итак, расставим точки над *i*, – Китаец пододвинул присевшей к столу Маргарите рюмку с коньком. – Вам нужно найти убийцу отца, мне нужна работа. Семь тысяч долларов.

– Идет, – с ковбойским видом ответила Маргарита.

Ее слезы мигом высохли.

– Теперь постарайтесь как можно четче и подробнее ответить на мои вопросы.

Маргарита с готовностью кивнула.

– Вы сказали, что ваша мать – особа властная. Означает ли это, что она владеет всеми капиталами в семье?

– Не совсем. Раньше она сама вела весь бизнес. У нас ведь кроме косметической фирмы еще автосалон и клуб.

Китаец кивнул.

– Она нанимала управляющих, менеджеров. Один из них спал с ней, другой ее надул. Первый, ну, тот, который был ее любовником, тоже систематически обворовывал нас. – Маргарита взяла в руку рюмку.

– Какие у вашей матери были отношения с вашим отцом?

– Мне кажется, она любила его... по-своему... – со скептической усмешкой добавила Маргарита.

– Тогда как объяснить ее отношения с тем менеджером, который...

– Это ничего не значит, – перебила Танина Маргарита, – понимаете, мама так подавляла папу, он был таким мягким с ней, ватным каким-то... Естественно, ей захотелось завести роман с каким-нибудь другим, более мужественным партнером. Вам, может, это трудно понять.

– Ну почему же, – усмехнулся Китаец.

– И все-таки она любила отца. Но эта любовь была для него тяжелее стопудового камня.

– То есть ваш отец страдал под игом этой любви?

– Вот именно, страдал, – вздохнула Маргарита. – Давайте выпьем.

– Давайте.

Они осушили рюмки и продолжили разговор.

– Не вылилось ли это страдание в его гипертрофированную ревность? – проницательно предположил Танин.

– Наверное, да. Но вы знаете, – Маргарита отвела глаза, – однажды папа застукал маму в постели с этим менеджером.

– И какова же была его реакция? – против воли улыбнулся Китаец.

– Вам, конечно, смешно, – кинула она на него взгляд, полный злобного недоверия.

– Ну что вы, – кашлянул Китаец, – простите.

Маргарита замкнулась.

– Еще коньяку? – он поднял свою рюмку. – Греть не обязательно – солнце уже все сделало за нас.

Действительно, пробившись сквозь серо-голубую завесу облаков, солнце свободно проникло в кабинет, заливая золотистым светом поверхность стола и лица беседующих.

Маргарита слабо улыбнулась.

– Папа тяжело перенес это. Он не устраивал маме сцен, просто ушел в запой. Пил два месяца не просыхая. Мама, конечно, порвала с этим управляющим. Уволила его с работы.

Ко всему прочему выявились факты воровства. Мама тоже страдала, но, верная идеалу железной леди, вида не показывала. Она мирилась с папиными запоями. Я вот думаю, это, наверное, плохо... – Маргарита задумалась.

– Вы предпочли бы решительное выяснение отношений?

– Да. Подрались бы, надавали бы друг другу пощечин, наговорили бы обидных слов, а потом помирились...

– Значит, вы отдаете предпочтение мелодрамам? – Китаец с тонкой улыбкой посмотрел на Маргариту.

– Вся жизнь – сплошная мелодрама, – философски заметила Маргарита.

– Мелодрамой ее делают женщины, – не согласился Китаец.

– Мелодрамой ее делают люди с темпераментом и не с такими железными нервами, как у вас, – возразила Маргарита.

Но в ее интонации не было той раздражительной непримиримости, какая сквозила в начале разговора.

– Мама грелась душой возле папы. Он был очень мягким человеком. Иногда он давал ей весьма дельные советы, – продолжила Маргарита, – тем не менее она редко прислушивалась к нему, считая его неспособным к бизнесу, таким сибаритствующим хлюпиком-интеллигентом. Папа некогда был физиком, работал в НИИ. Но, попав под сокращение, был уволен и так и не нашел применения своим знаниям. Он тяжело переживал свою социальную невостребованность. А тут еще мама начала набирать бизнес-обороты. Он становился рядом с ней все более незначительным, каким-то придатком... – Маргарита сострадательно вздохнула.

– Пейте коньяк, – Китаец поднес к губам рюмку.

Маргарита выпила и снова заговорила. Алкоголь еще больше развязал ей язык.

– Мама полагала, что и я, единственная и любимая дочь, буду тянуться к ней, во всем подражать ей, займусь бизнесом и так далее. Но мне интересней было с папой. Я не задумывалась, на чьи деньги мы живем. Мы создали с ним наш собственный мирок, куда мама практически не допускалась. Она, конечно, чувствовала это, но храбрилась и делала вид, что с нее достаточно просто иногда выехать с нами на пикник или отдохнуть пару недель на море. Я только сейчас поняла... – Маргарита с опустошенным видом уставилась в пол, – что этот наш эгоистичный симбиоз с папой был для нее тем же камнем, каким для папы была ее невзыскательная любовь, в которой было что-то от снисходительного отношения к калекам или душевнобольным. Мы все больше замыкались, мама все больше отдалялась от нас. Посещение фитнес-клубов и салонов красоты, как мне кажется, было не чем иным, как стремлением компенсировать эту нехватку душевного тепла, тепла, в котором мы с папой ей упорно отказывали. В нашем отношении к ней было, безусловно, что-то детское, гордое и жестокое.

Мама прихорашивалась, стараясь доказать самой себе и нам, что счастлива, что все идет как надо, что все под контролем и она так создана, что не испытывает уж такой настоящей необходимости в человеческом общении. И мы с папой малодушно верили в это. Потому что так было удобней, проще... Это снимало с нас ответственность за нашу самоизоляцию, за нашу невнимательность. В общем, обе стороны страдали и не хотели первыми сделать шаг к примирению, тем более что ни о какой ссоре речи и не шло. Все было тихо, мирно, делали вид, что всем комфортно и покойно. Нас считали образцовой семьей.

Первый прорыв сделала мама. Она изменила папе. Она, мне кажется, сделала это с какой-то бессознательной уверенностью, что это необходимо. Потому что человек, с которым она сблизилась, был настоящим ничтожеством. Просто она хотела доказать что-то папе. Она устала быть одна. Хотела его растормошить, разозлить... Но папа вместо этого тихо и уныло запил. Зарылся как страус в песок молчаливого отчаяния. Другая бы, возможно, и этому эффекту была рада, но мама... Она тяжело переживала свою неудачу. А все дело в том, что она плохо

разбиралась в психологии и не знала, что такой человек, как папа, именно так среагирует на предательство, что он еще больше отторгнет ее.

Маргарита удрученно замолчала.

– Следует ли считать приобщение вашего отца к семейному бизнесу второй попыткой «расторгнуть» его? – Китаец налил по третьей порции коньяка.

– О, с этой попыткой связана главная пытка всей моей жизни, – печально скаламбурила Маргарита. – Вы правы. Мама решила зайти с другого фланга. Этим ударом, а мне предложение, которое она сделала отцу, казалось именно ударом, можно даже сказать, ниже пояса, мама достигала сразу двух целей: приближения папы к себе и удаления его от меня. Я стала думать, что она покушается на наш с папой союз, что бизнес – только предлог. Мне казалось, что теперь она хочет составить с папой конклав, куда я уже в силу моей неопытности и незрелого возраста допущена не буду. Это была самая настоящая ревность. Борьба, так сказать, двух женщин за одного мужчину, – горько усмехнулась Маргарита, – я была эгоисткой. Да и сейчас остаюсь ею.

Захваченная порывом самобичевания, Маргарита закинула голову, словно просила у Создателя прощения, потом резко опустила ее и закусила нижнюю губу. Китаец не проронил ни слова. Он все больше и больше ощущал себя психотерапевтом, позволяющим умному и талантливому пациенту, исполненному чувства вины и доверия, свободно высказываться.

Ему следовало, без сомнения, сразу же задать вопросы, касающиеся обстоятельств гибели Ильи Васильевича, но он пошел на поводу у Маргариты. Ладно, пусть выплеснет все накопившееся. Ведь не может же он приступить к расследованию, не установив с клиенткой доверительного контакта.

Маргарита осушила третью рюмку и выжидающе посмотрела на Танина. Он последовал ее примеру и налил еще граммов по тридцать.

– Это у вас такой метод – поить клиентов, чтобы они были словоохотливей...

– ...и сговорчивей, – мягко улыбнулся Китаец. – Все выпитое клиентами я включаю им в счет. Так что хорошо подумайте, прежде чем выпить следующую порцию.

– А вы шутник, – усмехнулась Маргарита.

– А из вас, простите за несколько циничное в подобной ситуации замечание, получилась бы замечательная писательница. Только, думаю, журналистика не даст в полной мере развернуться вашему таланту.

– Я учту ваше замечание, – тряхнула головой Маргарита.

– Итак, мы говорили о второй попытке. Она удалась вашей матери?

– И да, и нет.

– Ваши отношения с отцом не изменились?

– Он был по-прежнему нежен ко мне, но времени на то общение, к которому я привыкла, у него стало катастрофически не хватать. Он не больно сблизился с мамой, хотя поначалу, казалось, в их отношениях наступило значительное потепление. Они уже делились идеями по поводу общего бизнеса, вместе появлялись на разных презентациях и вечеринках, отец на какое-то время почувствовал себя нужным семье не только в качестве моей няньки. Мать помогла ему открыть клуб, а потом и автосалон.

Один его знакомый, который тогда только что вернулся из Америки, предложил войти в долю и внести часть уставного капитала. Отец обсудил это предложение с мамой, и она согласилась, потому что свободных денег было не так много. Отец показал себя отличным управляющим. Мне казалось, что он гордился собой, стал по-другому относиться к маме. Но это продолжалось недолго. Вскоре он стал истошно ревновать маму, причем без всякого на то основания. Сначала она насмешливо к этому относилась, опять же жалела папу, потом стала мало-помалу раздражаться, досадовать, иногда откровенно злилась и насмехалась над папой. Но чаще терпеливо разубеждала и утешала. Вот такой дуэт! – Маргарита невесело усмехнулась. – Сам он просто с ума сходил. Все эти мамины утешения если и действовали, то на короткое время.

Думаю, он никак не мог изжить свой застарелый невроз. Он считал себя недостойным мамы в социальном плане, а потому не мог примириться с ее успехами в бизнесе. Сам же, несмотря на то что она доверила ему управление клубом и автосалоном, считал себя второсортным, всем обязанным своей жене. Деньги-то были мамины. Он даже захотел утвердиться за счет женского коллектива клуба. Одну девушку-крупье едва не изнасиловал. Маме с трудом удалось замять этот неприятный инцидент.

И тогда мама повела папу к психоаналитику. Она вконец измучилась с ним. И что самое интересное и печальное для меня, так это то, что ревность полностью поглотила моего дорогого папочку. На меня он обращал все меньше и меньше внимания, все его помыслы были заняты мамой: где она, с кем, что делает? Хотя это было излишне – он был уверен, что она так и норовит изменить ему.

Я что-то говорила ему о бизнесе, о маминой занятости, но все напрасно. Ее измена стала для него навязчивой идеей. Меня он вообще вскоре перестал замечать, так, отделялся дежурными рассеянными улыбками и проявлениями гражданской вежливости, – Маргарита саркастично рассмеялась.

– И решил нанять в итоге меня, чтобы я добыл ему доказательства супружеской неверности, – подытожил Китаец.

– Да, но я не досказала вам историю с психоаналитиком. Дело в том, что он не прописал папе никаких лекарств, не применил никаких особых методик, даже толком не поговорил с папой. Взял аванс и пообещал, что папа скоро изменится в лучшую сторону, что у него есть один нестандартный подход, который он разработал на основе учения Фрейда и Юнга, а также постфрейдистов типа Адлера. Этот Семен Семенович умеет запудрить мозги...

– И в чем же заключался этот метод?

– Никто не знает. Никто, кроме самого господина Бурлакова, – усмехнулась Маргарита, – это было первое и последнее папино посещение психоаналитика. Только я слышала, что один из его пациентов – некий Алексей Панкратов – умер.

– С людьми иногда это случается, – грустно усмехнулся Китаец. – Бурлаков-то здесь при чем?

– Не знаю, – покачала головой Маргарита, – только это была какая-то странная смерть. Его нашли повешенным в своей квартире за запертыми дверьми, а когда сделали вскрытие, обнаружили, что у него отбиты внутренние органы.

– Откуда такие подробности?

– Панкратов был родственником одного нашего знакомого.

– Ваша мать знала об этом?

– Знала, – вздохнула Маргарита, – но ее знакомая, сына которой вылечил Семен Семенович, так расписала его чудесные способности, что мама отправилась к нему.

Маргарита опустила голову. Плечи ее дрогнули.

– Коньяк нас заждался, – Китаец поднял рюмку.

Но Маргарита уже плакала. Минут через пять она успокоилась. Подняла свою рюмку и затуманенными глазами посмотрела на Танина. Они дружно выпили.

Китаец специально завел разговор на темы, непосредственно не затрагивающие убийство отца Маргариты, чтобы немного отвлечь ее. Теперь же, как ему показалось, наступил момент, когда можно поговорить и о самом преступлении.

– Вы знаете, как погиб ваш отец?

– Только то, что нам сообщили следователи, когда приглашали на опознание.

– И что же они вам сказали?

– Кто-то позвонил дежурному и сообщил об убийстве во дворе дома, где находился офис отца.

– В какое время?

– Где-то в районе половины десятого вечера. Когда оперативная группа прибыла на место, во дворе, где его обнаружили, стояли несколько человек. Там было все затоптано, как нам сказали, и кинолога вызывать не стали, след собака все равно бы не взяла.

– Его застрелили? – предположил Китаец.

– Зарезали, – горестно произнесла Маргарита. – Нож торчал у него возле шеи.

– Как это – возле шеи? – переспросил Танин.

– Я не знаю, – пожала плечами Маргарита, – так нам сказали.

– Вы видели рану, когда ездили на опознание?

– Видела, – дрогнувшим голосом проговорила Маргарита.

– Расскажите, где она была.

– С правой стороны, примерно в том месте, где ключица подходит к шее. Не понимаю, для чего вам такие подробности? – Она плотно сжала губы, чтобы унять подступившие было слезы.

– Я думаю, ваш отец умер мгновенно, – задумчиво произнес Китаец, прикуривая очередную сигарету.

– Да-а, – удивленно протянула Маргарита, – именно так нам и сказали. Вам уже что-то известно о его гибели?

– Нет, – покачал головой Китаец, выпуская вверх тонкую струйку дыма, – об этом я впервые услышал от вас.

– Тогда откуда вы знаете?..

– Я профессионал, Маргарита Ильинична, и должен разбираться в способах убийства. Вашего отца убил человек, который знал, как это делается. Но сейчас давайте не будем терять время на лишние подробности. Вы согласны?

– Да, – робко кивнула Маргарита, – только все это как-то странно...

– Может быть, в другой раз, когда у нас будет побольше времени, – Китаец бросил сигарету в пепельницу, – и если мы не найдем другой темы для беседы... – Китаец замаялся, не зная как продолжить. – А сейчас расскажите мне о бизнесе вашего отца. Вы ведь знаете, с чего все началось.

– Знаю, – вздохнула она. – Года три назад мать впервые заговорила с отцом о клубе. Сначала он не придавал этому значения, но вскоре почему-то загорелся этой идеей. Мне кажется, это случилось тогда, когда он поделился мыслями о клубе с Игорем Жуковым. Это его приятель, который работал в Америке. Он как раз искал применение своим деньгам, которые привез из-за океана. Вся эта эпопея с клубом длилась почти год. Получилось здорово. Там есть небольшой ресторанчик и сауна. Игорь настоял, чтобы открыть там же маленькое казино – один стол с рулеткой, «блэк джек», несколько игровых автоматов.

– Как к этому относилась ваша мать?

– Сначала она оказывала папе с Игорем всяческую поддержку, а потом, видя, что все наладилось, потихоньку отдала все это в полное их ведение. Я уже говорила, после того как дела пошли, отец воспрянул духом, но некоторое время спустя сознание собственной ущербности и невостребованности проявилось в виде жестокой ревности. Через несколько месяцев, когда появились лишние деньги, новые знакомые отца предложили ему с Игорем поучаствовать в открытии автосалона. Мать сначала была против, но потом, решив, что новые заботы отвлекут папу от его неумной ревности, согласилась.

– Ничего не получилось?

– Увы, – вздохнула Маргарита. – Дайте и мне, – попросила она сигарету. – Новая затея отвлекла его буквально на несколько месяцев, пока он был занят организационной работой. Потом все пошло по-старому.

– Его новые партнеры по автобизнесу, – Китаец поднял на Маргариту вопросительный взгляд, – кто они?

– Их я не очень хорошо знаю. Вернее, почти совсем не знаю. – Она несколько раз затянулась и положила почти целую сигарету в пепельницу. – Одного зовут Виктор Корзун, другого – Александр Амурский.

– Громкая фамилия, – усмехнулся Китаец. – Значит, об их отношениях с вашим отцом вы ничего не знаете?

– Боюсь, что так.

– Ладно, – Танин кивнул, – тогда расскажите, какие отношения были у вашего отца с Игорем?

– В основном они ладили и, кажется, неплохо.

– А в частности?

– Ну, были у них пару раз какие-то трения, у кого их не бывает, – пожала плечами Маргарита. – Однажды я оказалась свидетелем их перепалки. Я как раз пришла в клуб, дверь кабинета оказалась приоткрытой. Папа высказывал Игорю свое недовольство каким-то его приятелем, что, мол, тот пьет и жрет за счет заведения и несколько раз в месяц занимает сауну. Мало того, что он сам лопает и отдыхает, да еще и своих приятелей и баб с собой тащит. В конце концов Игорь согласился оплачивать счета своего друга из собственного кармана.

– Они как-нибудь называли его?

– К сожалению, я не помню, – вздохнула Маргарита.

– Это все?

– То, что я слышала в тот раз, – с сожалением произнесла она. – А еще раз папа сам говорил мне про Игоря, что он слишком высокомерно относится к обслуживающему персоналу.

– В чем это выражалось?

– Не знаю.

В комнате повисла напряженная тишина, прерываемая лишь шорохом проносящихся мимо окон конторы машин и попискиванием компьютера, на котором работала Лиза.

– Вы, наверное, знаете, – нарушил молчание Танин, – что на жизнь вашей мамы было совершено покушение.

– Она нам рассказала.

– Я оказался свидетелем того, как ей пытались устроить автокатастрофу. Виктория Ларионова что-нибудь предприняла по этому поводу?

– Это все ужасно, – пролепетала Маргарита, – но, кажется, она не придавала этому большого значения. Говорит, какой-то псих решил покуражиться на дороге.

– Это был не псих, – твердо сказал Китаец. – И он был совершенно трезвый.

– Вы видели его и не попытались догнать? – удивилась Маргарита.

– Когда я его заметил, он был уже недалеко от леса, – пояснил Китаец, словно оправдываясь, – найти там его ночью почти невозможно. И потом, – немного раздраженно заявил он, – мне платили не за то, что я охраняю вашу мать...

– А если бы вы охраняли ее, – с вызовом спросила Маргарита, – вы бы попытались его догнать?

– Нет, – отрезал Танин, – я бы все равно остался с Викторией Ларионовной.

– Не понимаю, зачем вы все это рассказываете...

– Посоветуйте вашей маме, чтобы она предприняла меры предосторожности. Ее пытались убить один раз, могут попытаться еще.

– Господи! – со страхом и отвращением воскликнула Маргарита. – Как все это гнусно!

– Не буду с вами спорить, – Танин откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на расстроенную Маргариту. – Когда я могу поговорить с вашей мамой?

– Это обязательно? – вздохнула она. – Мама не очень хорошо себя чувствует. Она даже на работу сегодня не поехала.

– Понимаю, – кивнул Китаец, – но боюсь, что без беседы с ней не обойтись. И чем раньше, тем лучше.

– Тогда я поеду домой и подготовлю ее, – взяла себя в руки Маргарита. – А потом позвоню вам. У вас еще есть вопросы?

– У отца что-нибудь пропало?

– Да, я забыла вам сказать, – кивнула Маргарита. – Исчезли портмоне с деньгами и документами на машину и ключи от нее.

– Денег было много?

– Точно не знаю, – замялась она, – обычно отец носил с собой около тысячи долларов и несколько тысяч рублей.

– Похоже на ограбление, – без должной убежденности сказал Китаец, глядя на Маргариту. – Машина тоже пропала?

– Нет, осталась стоять во дворе. У него еще были дорогие часы – «Ролекс» – их не сняли.

– Еще какие-то ценные вещи?

– Осталась еще паркеровская ручка.

– Вы сказали, что Илья Васильевич вышел из офиса, когда на него напали. Кто-нибудь знал, что он будет там в это время?

– Скорее всего – да.

– Почему вы так думаете?

– Обычно пятницу, субботу и воскресенье он проводил в клубе, а в четверг задерживался в офисе, чтобы сверить документы. Об этом многие знали.

– Кто-нибудь оставался в офисе, когда он вышел оттуда?

– Кажется, нет.

– Тогда у него должны были быть с собой ключи от офиса. Они не пропали?

– Не помню. Я не обратила внимания.

– Ладно. Разберемся. – Китаец попросил Лизу принести бланки договора.

– Подпишите вот здесь и здесь, – Танин поставил галочки на бланках и передал ей ручку.

Она сначала взглянула на Китайца, потом бегло просмотрела текст договора и поставила подписи.

– Спасибо, это все. – Китаец поднялся, давая понять, что формальности выполнены и аудиенция закончена.

Маргарита осталась сидеть.

– Кажется, я должна заплатить вам аванс? – она вопросительно посмотрела на него.

– Тысячу долларов, если вас не затруднит. Остальные – после окончания расследования. Открыв сумочку, она отсчитала деньги.

– Я буду ждать вашего звонка. – Китаец вслед за ней пересек приемную и отпер дверь, выпуская ее.

– Я не прощаюсь, – грустно улыбнулась Маргарита.

– До встречи.

ГЛАВА 3

– Кажется, у нас появился новый клиент, – заметила Лиза.
– Ты замечательная девушка, Лиза, – усмехнулся Китаец, – все замечаешь.
– Это элементарно, Ватсон, – прыснула Лиза, – клиент подписал договор. Она тебе понравилась?

– Симпатичная девушка, – Танин приподнял брови.
– Пф-ф, – фыркнула Лиза, – у нее большой нос, мягко говоря. И вообще, она слишком выпендривается.

– Вчера у нее погиб отец, – серьезно заметил Танин.
– Тот самый ненор... Ой, – она поднесла пальчики к губам и вздохнула. – Это грустно. Надеюсь, ты ее утешил?

– Это не входит в мои обязанности, – отмахнулся Танин. – Почему ты к ней придираешься?

– Даже не думаю, – Лиза надула свои очаровательные губки. – Ты провел с ней почти два часа, за это время я принесла вам только по чашке кофе.

– Мы пили коньяк.

Лиза поморщилась. Ее любимым напитком было шампанское. Пусть самое дрянное, но шампанское. А коньяк она пила, если его наливал сам Танин.

– Я заметила, у тебя глаза блестят.

– Может, мы поменяемся местами? – иронично предложил Китаец. – Ты будешь вести дела, а я – бухгалтерию. Хотя нет, – теперь настал его черед морщиться, – терпеть не могу бумажные дела.

– Сварить кофе? – предложила Лиза.

– Давай. – Китаец сел на стул в приемной и принялся наблюдать за секретаршей.

Кипяток был уже готов. Лиза положила в джезву кофе и сахар, и через несколько секунд по комнате распространился аромат кофе.

– Пожалуйста, шеф, – она подала чашку Китайцу.

Он кивком поблагодарил и сделал крошечный глоток. Лиза села на свой стул и посмотрела на Танина.

– Дело серьезное?

– Убийство – всегда серьезное дело, – помедлив немного, ответил он. – Пока почти ничего не ясно.

Выпив кофе, Китаец на «Массо» двинулся в клуб «Архипелаг». Солнце опять спряталось за сине-белое облако, и его свет стал напоминать теплое молоко с золотистой пеночкой. Китаец снял темные очки и закурил.

Клуб «Архипелаг» располагался на Второй Дачной. Днем там можно было просто пообедать, вечером и ночью кроме дорогих напитков и снэди получить весь комплекс удовольствий, характерных для подобных заведений, начиная с бильярда и кончая рулеткой. Китаец оставил машину на стоянке и быстро поднялся по широкой и довольно крутой лестнице к стеклянным дверям, слепившим глаза своей до блеска надраенной поверхностью. Едва он вошел внутрь, как тут же приковал к себе внимание охранника в голубой униформе и вежливо скалящего зубы швейцара.

– Добрый день, – поздоровался он, – где я могу увидеть господина Жукова?

Швейцар, вислоухий нескладный детина с прилизанными белыми волосами и глубоко посаженными глазами непонятного цвета, часто заморгал, словно вопрос Китайца озадачил его.

– А вы по какому вопросу? – осторожно осведомился он.

Китаец молча достал из кармана лицензию, а сам окинул быстрым взглядом фойе. Оно было отделано мрамором кофейного цвета, на полу лежал бледно-абрикосовый ковер в коричневых завитках, по углам были расставлены пальмы в деревянных кадках, на стенах висели зеркала в тяжелых бронзовых рамах, меланхолично удваивая в своих неподвижных отражениях приглушенный дневной тенью и тишиной шик.

– Занимаюсь расследованием обстоятельств смерти Ильи Васильевича Крупенкова.

Этот ответ поверг швейцара в еще большую растерянность и недоумение. Он с опаской покосился на визитера.

– Пойдемте, я вас провожу. – Он еще раз внимательно посмотрел на Китайца и, кивнув ему, направился в глубь помещения. Они поднялись на второй этаж по желто-коричневой ковровой дорожке, прошли мимо нескольких дверей из светлого дуба и оказались перед, пожалуй, самой презентабельной из них. Швейцар деликатно постучался и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь.

– Любочка, – прочирикал он, – здесь к Игорю Вадимовичу посетитель.

– Игорь Вадимович занят пока, – несколько удивленно пролепетала секретарша, – а что такое?

Швейцар оказался парнем чертовски интеллигентным и приятным. Он с заученно-подобострастной улыбкой отступил, предлагая пройти. Китаец одарил его выразительной улыбкой и пожалел, что подобная ситуация не располагала к вручению чаевых. Он бы еще более щедро улыбнулся и сунул в карман форменного красного пиджака не менее ста рублей. И хотя малый, без сомнения, был ему симпатичен, он не мог понять значения красного цвета его униформы. Блондин походил на красную тряпку в этом царстве бежево-абрикосовых тонов. «Это, наверное, для того чтобы посетители могли без труда идентифицировать его», – с добродушной иронией подумал Китаец. Не успел он и глазом моргнуть, как расторопный парень в своем чрезвычайно «эффектном» наряде ретировался.

– Здравствуйте, – улыбнулся Китаец сидящей за столом блондинке, которая с интересом смотрела на него поверх очков.

Надо сказать, что очки совсем не портили ее несколько простонародную милую мордашку, утиный носик которой и удивленно-испуганный взгляд придавали массу очарования. Ее светлые волосы с темными корнями были забраны в симпатичную шишечку. Низкий лоб оставался открытым, ярко окрашенные, несколько припухлые губы были разомкнуты, заражая лицо девушки немым вопросом и доподлинно детской непосредственностью. На секретарше был черный приталенный жакет, из выреза которого выглядывал победоносно топорщащийся треугольный воротник.

– Здравствуйте, – медленно, точно что-то прикидывая в уме, произнесла она. – А Игорь...

– Это я уже знаю. Я подожду. А вы пока, может, доложите? Моя фамилия Танин, зовут Владимиром Алексеевичем. Скажите, что я по поручению дочери Крупенкова Маргариты Ильиничны.

Китаец уверенно шагнул на изумрудный ковер, застилавший паркет приемной, и сел на один из стоящих вдоль стены стульев с серо-зелеными гобеленовыми сиденьями. Секретарша заерзала, сидя перед экраном монитора, еще раз взглянула на Китайца и молча сняла трубку внутреннего телефона.

– Игорь Вадимович, здесь к вам пришли. Танин Владимир Алексеевич. Говорит, по поручению дочери Крупенкова. Да... да...

Повесив трубку, она обратила к Китайцу свои небесно-голубые очи.

– Можете войти, Игорь Вадимович примет вас.

Китаец встал и, взявшись за тускло поблескивающую бронзовую ручку кабинетной двери, вопросительно посмотрел на «Любочку». Она с благожелательно-осторожной улыбкой кивнула, мол, заходите. Китаец повиновался. Он открыл дверь и очутился в просторной ком-

нате, размеры которой умялись обилием мебели в стиле ампир. У окна стоял длинный, накрытый золотистой скатертью с кистями стол. Он был уставлен красивыми бутылками, графинами и фужерами. Китайца приятно поразило разнообразие форм: тонкие горлышки, веером расходящиеся грани оснований, лебедиными шеями изогнутые ручки, тупые и манерно заостренные носики... Некоторые бутылки стояли в плетенках, другие возлежали в причудливых плетеных ларчиках, третьи мирно покоились в миниатюрных деревянных гробиках, открывающихся подобно книжкам и содержащих глянцевые рекламные вкладыши.

Кисти на скатерти напоминали гусарские эполеты. В комнату, где царилла настороженная тишина, проникал приглушенный темно-зелеными шторами свет. Китаец понял, что источником этого чуткого молчания были глаза Игоря Вадимовича – лукавые, оценивающие, умные. Китаец дежурно улыбнулся. Дородный мужчина с небольшой плешью и пшенично-русой бородкой последовал его примеру. Но мелькнув, его улыбка исчезла, уступив место спокойной грусти.

Высоколобое лицо Игоря Вадимовича, слегка заплывшее жирком, излучало радушие. Вся выразительность этого лица была сосредоточена во взгляде, в опущенных внешних уголках его небольших пронизательных глаз. Довольно крупный нос, едва различимые брови и тонкий, наполовину спрятанный под усами рот служили лишь дополнением к мягкому озорству его живого взора. Жуков был одет в непритязательную хлопчатобумажную синюю рубашку в белую крапинку и черные брюки. Когда он в знак приветствия встал из-за стола, Китаец оценил округлые формы его брюшка, которое выглядело не менее добродушным, чем его физиономия. Но часы «Картъе», украшавшие толстое, покрытое рыжеватыми волосками запястье Жукова, разубеждали в мнимой простоте облика статного «американца». Дорогие трубки всемирно известных марок «Данхил», «Бит Чоук» и «Петерсон» занимали на его столе почетное место. Парочка лежала в фирменных коробках на светлом атласе. Другие теснились в пузатой вазочке. В основном это были трубки с изогнутыми мундштуками, с «чашками» темно-маслянистого цвета. На всех них красовались надпись «briga», то есть «вереск», и серебряное кольцо, подтверждавшее, что вы имеете дело с эксклюзивным товаром.

«Что ж, – подумал Китаец, – трубка ему очень даже подойдет. Человек с сигарой в зубах еще чего-то ждет от жизни, мужчина с трубкой знает о ней все, и потому он абсолютно спокоен».

– Добрый день, – Китаец слабо улыбнулся. – Извините, что мне приходится отрывать вас от дел, но обстоятельства...

– Проходите, – в гостеприимном жесте Жуков вытянул руку, указывая на обитое изумрудно-коричневым плюшем кресло, – не извиняйтесь. Мы все удручены...

Голос у Жукова был несколько глуховатым и надтреснутым. Он глубоко вздохнул и медленно опустился в кресло.

– Я вас слушаю, – оживился он, когда Китаец сел напротив него.

– Я – частный детектив, занимаюсь расследованием обстоятельств смерти Ильи Васильевича. Мне нужно задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

– Конечно-конечно, – подался вперед Игорь Вадимович, – но вначале давайте выпьем.

– Спасибо, но я за рулем.

– А! – махнул рукой Жуков. – Я сам за рулем, но пью регулярно. Да и как тут откажешься! – он кивнул на заставленный алкогольными напитками стол.

– Ну тогда граммов пятьдесят коньяка...

– У меня есть кое-что получше, – хитро улыбнулся Игорь Вадимович и, сняв трубку, быстро пробежал холеным толстым пальцем по кнопкам. – Любонька, зайди, пожалуйста.

Через пару секунд в кабинете появилась секретарша. Только теперь Китаец увидел, что на ней была узкая, готовая вот-вот треснуть по швам черная юбка. «Любонька» аппетитно

крутнула туго обтянутой попкой и с заботливой улыбкой замерла возле стола, за которым сидел шеф.

– Налей-ка нам граппки и чего-нибудь закусить...

В его тоне засквозила мягкая покровительственная интонация доброго барина. Люба приблизилась к заветному столу, взяла в свои белые ручки эффектную полукруглую бутылку в оплетке и принялась наливать граппу в коньячные рюмки. Через минуту она опустила на стол перед мужчинами пару рюмок и тарелочку с лимоном.

– Это обычный виноградный самогон, – улыбнулся Жуков.

– Я в курсе, – Китаец взял рюмку в руки.

– Ну, пусть Илюше земля, как говорится... будет пухом. Не знал я, что так получится. – Игорь Владимович качнул с сожалением головой. – Я частенько пью этот, как я его называю, «макаронный самогон» вместо аперитива. – Чмокнув, Жуков поставил пустую рюмку на стол. – Давай еще, Люба!

Он сделал щедрый жест. Его глазки сузились от удовольствия. Люба поспешила еще раз наполнить рюмки.

– Вот ведь французы, – добродушно хмыкнул он, – дурни, не делают граппу, а итальянцы и немцы производят. Но немецкую вам пить не советую – грубовата. А это итальянская, «Ди Бароло».

– Я вообще-то предпочитаю коньяк, – проявил несогласие Китаец, – у вас курить можно?

Люба подала им граппу и вышла за дверь.

– Конечно, – Жуков пододвинул Китайцу бронзовую пепельницу, – а я – трубочку, – побонвивански крикнул он.

Жуков открыл жестянку с голландским табаком, вынул одну из стоявших в вазочке трубок, зарядил ее и принялся раскуривать.

– Самые лучшие трубки, скажу я вам, это те, у которых мундштук из балтийского янтаря, а «чашка» – из вереска, английские и голландские. Французские тоже ничего, но я вообще лягушатников не жалею, хоть они и вино классное хреначат... прошу прощения.

Китаец лениво улыбнулся.

– Игорь Владимович, расскажите о вашем совместном с Ильей Васильевичем бизнесе. Как вы познакомились, как все начиналось...

– Да ничего такого не было... Все обычно. Собрались два кореша, у обоих бабки есть. Думали-думали и надумали... – усмехнулся Жуков. – Я, например, давно имею слабость к спиртным напиткам. Нет, не в том смысле, что пью беспробудно, – хитро улыбнулся Игорь Владимович, с удовольствием попыхивая трубкой, – я толк в этом сладком зелье знаю. У меня, так сказать, ко всему этому пойлу, – кивнул он на стоявшие на столе рюмки, – научный интерес. А потом ведь и рулетка, и бильярд... У меня дядька был, кием владел, как Тициан – кистью! Я с детских лет, так сказать, мечту лелеял. И вот... – Жуков вздохнул. – А Илюша...

Он опустил голову, потом отложил трубку и взялся за рюмку.

– Мы ведь с ним вместе учились. Да-да, – печально закивал он, – оба на физическом. Только я-то давно прочухал, что вся эта наша совдеповская наука, если ты не Курчатов или Сахаров и если ты не намерен талант свой где-нибудь за бугром за зелень продать, ни хрена... простите, – кашлянул Жуков, – тебе не даст. Бросил все и уехал в Америку. Открыл закусочную, потом вторую... У меня тетка там, в Чикаго, давно обосновалась. Помогла с капиталами. Но безо всяких там демагогических и патриотических штук... Жить я хочу только здесь, потому что все эти американцы... Сброд! Да, богатые, да, деловые и предприимчивые, но эти их тетки два на два... – хохотнув, резанул он руками воздух, – вы не думайте, что если вам в их фильмах стройных да вот с такими, – очертил он две огромные округлости на уровне груди, – показывают, они там все этикие цыпочки... Ничего подобного! И потом, мозги у них куриные.

Жуков пренебрежительно поджал губы.

– Выпьем?

Китаец кивнул. Они осушили рюмки и снова закурили.

– А здесь, – приосанился Жуков, – вон как мы с Илюшкой развернулись. И весело, и сыто, – лукаво посмотрел он на Китайца, – и главное, мечта осуществилась, детская и юношеская... – Игорь Вадимович мечтательно закатил свои поблескивающие меж обвислых век глазки.

– Вы знаете, при каких обстоятельствах погиб Илья Васильевич? – Китайца почему-то начало раздражать сытое довольство собеседника.

– О-хо-хо, – положил локти на стол Игорь Вадимович, – что это меняет? Мне позвонила Виктория, сразу же... – он осекся, – рыдает, бубнит что-то в трубку. Я понял только после того, как мне удалось немного утешить ее. Я вначале не поверил...

– А потом? – с ироническим прищуром спросил Китаец.

– До сих пор не могу въехать.

– Маргарита мне говорила о каком-то вашем приятеле, которым был недоволен ваш компаньон. Илья Васильевич возмущался его наглым поведением в стенах клуба, а вы взялись оплачивать его счета.

– Илья Васильевич всегда высказывал мне свое мнение напрямую, – ответил Жуков, – за это я его уважал. А вот про кого говорит Маргарита, я ума не приложу, – улыбнулся Жуков, – приятелей у меня много, но счета они оплачивают сами. Может быть, Маргарита помнит его имя?

– К сожалению, нет, – ответил Китаец.

– Может быть, еще? – Жуков потянулся к бутылке с граппой, которую Любочка перед уходом поставила на стол начальника.

– Спасибо, мне достаточно, – поблагодарил Китаец.

– Вы, наверное, просто не поняли всей прелести этого напитка, – усмехнулся толстяк, наполняя свою рюмку. – У меня процесс освоения граппы занял почти два года, зато сейчас я по запаху определяю, хорошая она или не очень. Есть сорта, которые потрясающе пахнут фруктами, как, например, эта. Спирта не ощущается, нет этого характерного запаха!

Жуков поднял рюмку, понюхал и принялся медленно смаковать ее содержимое. Китаец молча наблюдал за ним, потом достал сигарету, закурил.

– Кому нужно было убивать Крупенкова? – неожиданно спросил он.

– Если бы я знал, – горестно вздохнул бородач, опуская рюмку на стол.

– Вы знаете, что за день до смерти Ильи Васильевича покушались на его жену?

– Да вы что? – удивленно воскликнул Жуков. – Не может быть! Илья мне ничего не говорил.

– Мне кажется, он и сам не вполне адекватно воспринял это, – Танин загасил сигарету. – Что вы знаете об его отношениях с Викторией Ларионовной?

– Замечательная женщина, – воодушевленно произнес Жуков. – Она всегда его поддерживала. Собственно, и на наш совместный бизнес деньги дала она.

– Это была большая сумма?

– Кха, кха, – замялся Жуков, – я вам скажу, конечно, если это необходимо...

– Скажем так, мне желательно это знать.

– Но при условии, что все останется между нами... – Жуков выжидательно посмотрел на Танина.

– Обещаю.

– Мы внесли в уставной фонд по сто тысяч долларов, – после небольшой паузы пояснил Игорь Вадимович.

– А как распределялись ваши обязанности?

– Честно говоря, я не очень люблю работать, – с наигранно постной миной сказал Жуков, тут же обаятельно улыбнувшись, – так что основные хлопоты легли на плечи Ильи: регистрация, проект, согласования. Не подумайте только, что я совсем уж ничего не делал. Когда был решен вопрос с помещением, я занимался ремонтом, заказал в Штатах оборудование, завел там неплохие знакомства.

– Вы были равноправными партнерами?

– Конечно. Все поровну, и доходы, и расходы.

– Игорь Вадимович, – Китаец снова поменял положение, – тот офис, возле которого убили вашего партнера, почему он был не в комплексе, например, с клубом?

– Сначала действительно офис был в клубе, в двух соседних кабинетах, потом, когда появился автосалон, стало не очень удобно, потому что была своя бухгалтерия здесь в клубе и своя в автосалоне. Тогда мы их объединили и перевели в центр города.

– Угу, – кивнул Китаец. – А этот автосалон, чья это была идея?

– Мы уже начали подумывать, куда бы вложить прибыль от клуба, когда Илья привел своих знакомых, у которых, как он сказал, налажены связи в автобизнесе. Ну, мы поговорили с ними, подсчитали, какая должна быть прибыль, и дали им денег. Все получилось неплохо. Даже лучше, чем мы ожидали.

– Вы там тоже участвовали в равных долях с Ильей Васильевичем?

– Да, – Жуков снова наполнил свою рюмку, – мы с Ильей вложили по сорок пять тысяч, а Корзун с Амурским – это соучредители автосалона – по двадцать.

– После смерти Ильи Васильевича его наследницей станет жена?

– Скорее всего, – неопределенно пожал плечами Жуков. – Может, все-таки налить вам немного еще?

– Нет-нет, спасибо. Мне еще за город ехать.

– Ну, как хотите, – Жуков сделал глоток и облизал языком усы, – а я не могу себе отказать в небольшом удовольствии. К счастью, мы не в Америке. Там у них не принято, как вы знаете, до двенадцати. Очень неудобно.

– Да-да, пожалуйста, – кивнул Китаец, – у меня к вам еще только один вопрос.

Жуков поставил рюмку на стол и замер в ожидании.

– У вас наверняка есть, так сказать, покровители. Мне бы хотелось знать, кто они?

– А, – улыбнулся Игорь Вадимович, – с этим все в порядке. У нас вполне официальное прикрытие – районное отделение милиции.

– Они хорошо справляются со своими обязанностями?

– Вполне, – удовлетворенно кивнул Жуков.

– Рад за вас. Вы разрешите позвонить? – Танин показал на телефон.

– Ради бога, – Жуков снял с него трубку и передал Китайцу, – почувствуйте себя как дома. Китаец набрал номер конторы.

– Мне никто не звонил? – спросил он, услышав звонкий Лизин голосок.

– Недавно звонила Маргарита Ильинична, – с оттенком пренебрежения произнесла Лиза, – очень удивилась, что тебя нет на месте.

– Что она сказала?

– Просила передать, что Виктория Ларионовна ждет тебя.

– Спасибо, Лиза, – поблагодарил ее Танин. – Если позвонит еще, скажи, что я уже выехал. Он положил трубку и посмотрел на Жукова.

– Мне пора, – сказал он, поднимаясь.

– Знаете что, – Жуков тоже поднялся и вальяжной походкой подошел к столу с напитками, – хочу, чтобы вы попробовали вот это.

Он поднял пузатую бутылку с золотисто-желтой этикеткой и протянул ее Китайцу.

– Это отличная граппа, выдержанная. Только запомните, граппу не пьют с едой, это, как говорят, желудочный ликер. В Италии ее обычно пьют после обильной еды.

– Может, не стоит, – попытался отказаться Китаец.

– Берите, берите, – Игорь Вадимович почти насильно всучил Танину бутылку. – Распробуете, забудете про ваш коньяк.

– Это навряд ли, – пробормотал Китаец.

– Владимир Алексеевич, – с серьезным видом проговорил Жуков, когда Китаец уже направился к выходу, – у меня есть одна просьба.

Танин обернулся.

– Если найдете того, кто Илью... – Китайцу показалось, что глаза Жукова блеснули, – скажите мне.

– Обещаю, – кивнул Танин.

Утконосая Любочка, когда Китаец вышел из кабинета, засуетилась, делая вид, что что-то ищет в бумагах, лежащих на столе.

– Если вы дадите мне номер своего телефона, – задумчиво произнес Танин, – я мог бы вам позвонить.

– Зачем? – Любочка снова осторожно подняла голову, поправив одной рукой челку, которая упала на глаза.

– Мы могли бы сходить в кафе или просто погулять. Вы любите гулять?

– Люблю, – снова потупилась она.

Написав что-то на листочке, она протянула его Танину. Это был телефонный номер.

– Тогда мы еще увидимся.

ГЛАВА 4

Пройдясь по ковровой дорожке, Танин спустился в холл. Вислоухий швейцар о чем-то мирно беседовал с охранником. Приветствуя его, Китаец кивнул, тот с улыбкой распахнул перед ним дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.